

Ш. Л. де Монтескьё - О духе законов

В предисловии автор говорит, что принципы свои он выводит из самой природы вещей. Бесконечное разнообразие законов и нравов обусловлено отнюдь не произволом фантазии: частные случаи подчиняются общим началам, и история всякого народа вытекает из них как следствие. Бесполезно порицать установления той или иной страны, а предлагать изменения имеют право лишь те лица, которые получили от рождения гениальный дар проникать одним взглядом во всю организацию государства. Главная задача состоит в просвещении, ибо предрассудки, присущие органам управления, были первоначально предрассудками народа. Если бы автору удалось излечить людей от присущих им предрассудков, он почел бы себя счастливейшим из смертных.

Все имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека. Величайшая нелепость — утверждать, будто явления видимого мира управляются слепой судьбой. Бог относится к миру как создатель и охранитель: он творит по тем же законам, по которым охраняет. Следовательно, дело творения лишь кажется актом произвола, ибо оно предполагает ряд правил — столь же неизбежных, как рок атеистов. Всем законам предшествуют законы природы, вытекающие из самого устройства человеческого существа. Человек в природном состоянии чувствует свою слабость, ибо все приводит его в трепет и обращает в бегство — поэтому мир является первым естественным законом. С чувством слабости соединяется ощущение своих нужд — стремление добывать себе пищу является вторым естественным законом. Взаимное влечение, присущее всем животным одной породы, породило третий закон — просьбу, обращенную человеком к человеку. Но людей связывают такие нити, каких нет у животных, — вот почему желание жить в обществе составляет четвертый естественный закон. Как только люди соединяются в общество, они утрачивают сознание своей слабости — равенство исчезает, и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу — отсюда состояние войны между народами. Законы, определяющие отношения между ними, образуют собой международное право. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу — отсюда война между гражданами. Законы, определяющие отношения между ними, образуют собой гражданское право. Кроме международного права, относящегося ко всем обществам, каждое из них в отдельности регулируется своими законами — в совокупности они образуют политическое состояние государства. Силы отдельных людей не могут соединиться без единства их воли, которое образует гражданское состояние общества.

Закон, вообще говоря, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума. Эти законы находятся в столь тесном соответствии со свойствами

народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа. Законы должны соответствовать природе и принципам установленного правительства; физическим свойствам страны и её климату — холодному, жаркому или умеренному; качествам почвы; образу жизни её народов — земледельцев, охотников или пастухов; степени свободы, допускаемой устройством государства; религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям. Совокупность всех этих отношений можно назвать «духом законов». Есть три образа правления: республиканский, монархический и деспотический. В республике верховная власть находится в руках или всего народа или части его; при монархии управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; деспотия характеризуется тем, что все движется волей и произволом одного лица вне всяких законов и правил.

Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Когда верховная власть находится в руках части народа, такое правление называется аристократией. В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях — подданным. Государем он является только в силу голосований, коими изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь, поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В аристократии верховная власть находится в руках группы лиц: эти лица издают законы и заставляют исполнять их, а остальной народ является по отношению к ним тем же, чем в монархии подданные по отношению к государю. Худшая из аристократий та, где часть народа, которая повинует, находится в гражданском рабстве у той, которая повелевает: примером может служить аристократия Польши, где крестьяне — рабы дворянства. Чрезмерная власть, предоставленная в республике одному гражданину, образует монархию и даже больше, чем монархию. В монархии законы охраняют государственное устройство или приспособляются к нему, поэтому принцип правления сдерживает государя — в республике гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо больше возможностей злоупотреблять ею, так как не встречает противодействия со стороны законов, не предусмотревших этого обстоятельства.

В монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь, но существуют также посредствующие каналы, по которым движется власть. Уничтожьте в монархии прерогативы сеньоров, духовенства, дворянства и городов, и очень скоро вы получите в результате государство либо народное, либо деспотическое. В деспотических государствах, где нет основных законов, отсутствуют также и охраняющие их учреждения. Этим объясняется та особенная сила, которую в этих странах обычно приобретает религия: она заменяет непрерывно действующее охранительное учреждение; иногда же место религии занимают обычаи, которые почитаются вместо законов.

Каждый вид правления имеет свои принципы: для республики нужна

добродетель, для монархии — честь, для деспотического правительства — страх. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна. Когда весь народ живет по каким-то принципам, все его составные части, т. е. семейства, живут по тем же принципам. Законы воспитания — первые, которые встречает человек в своей жизни. Они различаются в соответствии с видом правления: в монархиях их предметом является честь, в республиках — добродетель, в деспотиях — страх. Ни одно правление не нуждается в такой степени в помощи воспитания, как республиканское. Страх в деспотических государствах зарождается сам собой под влиянием угроз и наказаний. Честь в монархиях находит себе опору в страстях человека и сама служит им опорой. Но политическая добродетель есть самоотверженность — вещь всегда очень трудная. Эту добродетель можно определить как любовь к законам и отечеству — любовь, требующую постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей. Особенную силу эта любовь получает в демократиях, ибо только там управление государством вверяется каждому гражданину.

В республике добродетель есть очень простая вещь: это любовь к республике, это чувство, а не ряд сведений. Оно столь же доступно последнему человеку в государстве, как и тому, кто занимает в нем первое место. Любовь к республике в демократии есть любовь к демократии, а любовь к демократии есть любовь к равенству. Законы такого государства должны всячески поддерживать общее стремление к равенству. В монархиях и в государствах деспотических никто не стремится к равенству: даже мысль об этом никому не приходит в голову, ибо каждый там стремится к возвышению. Люди самого низкого положения желают выйти из него лишь для того, чтобы господствовать над другими людьми. Поскольку принципом монархического правления является честь, законы должны поддерживать знать, которая есть, так сказать, и создатель и создание этой чести. При деспотическом правлении не нужно иметь много законов: все держится на двух-трех идеях, а новых и не требуется. Когда Карл XII, будучи в Бендерах, встретил некоторое противодействие своей воле со стороны сената Швеции, он написал сенаторам, что пришлет командовать ими свой сапог. Этот сапог командовал бы не хуже деспотического государя. Разложение каждого правления почти всегда начинается с разложения принципов. Принцип демократии разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в правители. В таком случае народ отказывается признать им же самим назначенные власти и хочет все делать сам: совещаться вместо сената, управлять вместо чиновников и судить вместо судей. Тогда в республике уже нет места для добродетели. Народ хочет исполнять обязанности правителей, значит, правителей уже не уважают. Аристократия терпит ущерб, когда власть знати становится произвольной: при этом уже не может быть добродетели ни у тех, которые управляют, ни у тех, которыми управляют. Монархии погибают, когда мало-помалу отменяются привилегии сословий

и привилегии городов. В первом случае идут к деспотизму всех; во втором — к деспотизму одного. Принцип монархии разлагается также, когда высшие должности в государстве становятся последними ступенями рабства, когда сановников лишают уважения народа и обращают их в жалкое орудие произвола. Принцип деспотического государства непрерывно разлагается, потому что он порочен по самой своей природе. Если принципы правления разложились, самые лучшие законы становятся дурными и обращаются против государства; когда принципы здоровы, даже дурные законы производят такие же последствия, как и хорошие, — сила принципа все себе покоряет.

Республика по природе своей требует небольшой территории, иначе она не удержится. В большой республике будет и больше богатства, а следовательно, и неумеренные желания. Монархическое государство должно быть средней величины: если бы оно было мало, то сформировалось бы как республика; а если бы было слишком обширно, то первые лица государства, сильные по самому своему положению, находясь вдали от государя и имея собственный двор, могли бы перестать ему повиноваться — их не устрасила бы угроза слишком отдаленной и замедленной кары. Обширные размеры империи — предпосылка для деспотического правления. Надо, чтобы отдаленность мест, куда рассылаются приказания правителя, уравновешивалась быстротой их исполнения; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдаленных областей, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек.

Небольшие республики погибают от внешнего врага, а большие — от внутренней язвы. Республики охраняют себя, соединяясь друг с другом, а деспотические государства ради той же цели отделяются и, можно сказать, изолируются друг от друга. Жертвуя частью своей страны, они опустошают окраины и обращают их в пустыню, вследствие чего ядро государства становится недоступным. Монархия никогда не разрушает сама себя, однако государство средних размеров может подвергнуться нашествию — поэтому у монархии есть крепости для защиты границ и армии для защиты этих крепостей. Малейший клочок земли обороняется там с большим искусством, упорством и мужеством. Деспотические государства совершают друг против друга нашествия — войны ведутся только между монархиями.

В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского. Последнюю власть можно назвать судебной, а вторую — просто исполнительной властью государства. Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или этот сенат станут создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. Если она соединена

с законодательной властью, то жизнь и свобода гражданина окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем. Государи, стремившиеся к деспотизму, всегда начинали с того, что объединяли в своем лице все отдельные власти. У турок, где эти три власти соединены в лице султана, царствует ужасающий деспотизм. Зато англичанам удалось посредством законов установить прекрасную систему равновесия властей.

Политическое рабство зависит от природы климата. Чрезмерная жара подрывает силы и бодрость людей, а холодный климат придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным. Это различие можно наблюдать не только при сравнении одного народа с другим, но и при сравнении различных областей одной и той же страны: народы Северного Китая мужественнее, чем народы Южного Китая; народы Южной Кореи уступают в этом отношении народам Северной Кореи. Не следует удивляться, что малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, тогда как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу. Нужно добавить, что островитяне более склонны к свободе, чем жители континента. Острова бывают обычно небольших размеров, и там труднее употреблять одну часть населения для угнетения другой. От больших империй они отделены морем, которое преграждает путь завоевателям и мешает оказать поддержку тираническому правлению, поэтому островитянам легче сохранить свои законы. Большое влияние на законы оказывает торговля, ибо она исцеляет людей от тягостных предрассудков. Можно считать почти общим правилом, что везде, где нравы кротки, там есть и торговля, и везде, где есть торговля, там и нравы кротки. Благодаря торговле все народы узнали нравы других народов и смогли сравнить их. Это привело к благотворным последствиям. Но дух торговли, соединяя народы, не соединяет частных лиц. В странах, где людей воодушевляет только дух торговли, все их дела и даже моральные добродетели становятся предметом торга. Вместе с тем дух торговли порождает в людях чувство строгой справедливости: это чувство противоположно, с одной стороны, стремлению к грабежам, а с другой — тем моральным добродетелям, которые побуждают нас не только преследовать неуклонно собственные выгоды, но и поступаться ими ради других людей. Можно сказать, что законы торговли совершенствуют нравы по той же причине, по которой они их губят. Торговля развращает чистые нравы — об этом говорил еще Платон. Одновременно она шлифует и смягчает варварские нравы, ибо совершенное отсутствие торговли приводит к грабежам. Некоторые народы жертвуют торговыми интересами ради политических. Англия всегда жертвовала политическими интересами ради интересов своей торговли. Этот народ лучше всех других народов мира сумел воспользоваться тремя элементами, имеющими великое значение: религией, торговлей и свободой. Московия хотела бы отказаться от своего деспотизма — и не может. Торговля, чтобы сделаться прочной, требует

вексельных операций, но вексельные операции находятся в противоречии со всеми законами этой страны. Подданные империи, подобно рабам, не имеют права без специального разрешения ни выехать за границу, ни переслать туда свое имущество — следовательно, вексельный курс, дающий возможность переводить деньги из одной страны в другую, противоречит законам Московии, а торговля по природе своей противоречит таким ограничениям.

На законы страны сильнейшее влияние оказывает религия. Даже между ложными религиями можно найти такие, которые наиболее соответствуют целям общественного блага — они хоть и не ведут человека к загробному блаженству, однако могут немало способствовать его земному счастью. Если сравнить один только характер христианской и магометанской религии, следует безоговорочно принять первую и отвергнуть вторую, потому что гораздо очевиднее, что религия должна смягчать нравы людей, чем то, какая из них является истинной. Магометанские государи беспрестанно сеют вокруг себя смерть и сами погибают насильственной смертью. Горе человечеству, когда религия дана завоевателем. Магометанская религия продолжает внушать людям тот же дух истребления, который её создал. Напротив, христианской религии чужд чистый деспотизм: благодаря столь настойчиво предписываемой евангелием кротости она противится неукротимому гневу, побуждающему государя к самоуправству и жестокости. Только христианская религия помешала деспотизму утвердиться в Эфиопии, несмотря на обширность этой империи и её дурной климат — таким образом внутри Африки водворились нравы и законы Европы. Когда два века назад христианскую религию постигло злополучное разделение, северные народы приняли протестантство, южные же остались католиками. Причина этому та, что у северных народов существует и всегда будет существовать дух независимости и свободы, поэтому религия без видимого главы более соответствует духу независимости этого климата, чем та, которая имеет подобного главу.

Свобода человека заключается главным образом в том, чтобы его не принуждали совершать действия, которые закон ему не предписывает. Начала государственного права требуют, чтобы всякий человек подчинялся уголовному и гражданскому праву той страны, в которой он находится. Эти начала были жестоко нарушены испанцами в Перу: инку Атауальпа можно было судить лишь на основании международного права, а они судили его на основании государственного и гражданского права. Но верхом их безрассудства было то, что они осудили его на основании государственных и гражданских законов своей страны.

Дух умеренности должен быть духом законодателя, ибо политическое благо, как и благо нравственное, всегда находится между двумя пределами. Например, для свободы необходимы судебные формальности, но число их может быть столь велико, что они станут препятствовать целям тех самых законов, которые их установили: при этом граждане потеряют свободу и безопасность, обвинитель не будет иметь возможности доказать обвинение, а обвиняемый — оправдаться. При составлении законов должно

соблюдать известные правила. Слог их должен быть сжатым. Законы двенадцати таблиц служили образцом точности — дети заучивали их на память. Новеллы же Юстиниана были столь многословны, что их пришлось сократить. Слог законов должен быть простым и не допускать различных толкований. Закон Гонория наказывал смертью того, кто покупал вольноотпущенника, как раба, или же причинял ему беспокойство. Не следовало употреблять столь неопределенное выражение. Понятие причиняемого человеку беспокойства всецело зависит от степени его впечатлительности. Законы не должны вдаваться в тонкости: они предназначены для людей посредственных и содержат в себе не искусство логики, а здравые понятия простого отца семейства. Когда закон не нуждается в исключениях, ограничениях и видоизменениях, то лучше всего обходиться без них, поскольку такие подробности влекут за собой новые подробности. Ни в коем случае нельзя давать законам форму, которая противна природе вещей: так, в проскрипции принца Оранского Филипп II обещал пять тысяч экю и дворянство тому, кто совершит убийство — этот король одновременно поправил понятия чести, нравственности и религии. Наконец, законам должна быть присуща известная чистота. Предназначенные для наказания людской злобы, они должны сами обладать совершенной непорочностью.

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).